

МАЯК НА ИЗНАНКЕ МОРЯ

САША ТРУБЕН

Саша Трубен

Маяк на изнанке моря

«Автор»

2026

Трубен С.

Маяк на изнанке моря / С. Трубен — «Автор», 2026

Восемь лет Нэра Вейн считала брата погибшим, а себя — виновной в катастрофе, стёршей с карт целый остров. Она лишилась профессии, продала всё ради поисков и научилась не верить хорошим новостям. Пока однажды на её подоконнике не появилась девочка с письмом от брата. Ян жив. Вместе с сотнями людей он заперт по другую сторону моря. Последний маяк гаснет, и до закрытия единственного прохода остаётся двенадцать дней. Нэре нужен корабль. Капитану Эрику Лоссу — шанс исправить ошибку, о которой он слишком долго молчал. Их путь лежит через воду, где отражения ведут не туда, а правильная карта может стоить дороже самого судна. Но найти исчезнувший остров — только начало. Чтобы вернуть его жителей домой, придётся раскрыть тайну, на которой держится благополучие целого побережья, и решить, кому можно доверить свою жизнь.

© Трубен С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Письмо, которое промокло изнутри	5
Глава 2. Старая печать	8
Глава 3. Капитан без разрешения	11
Глава 4. Цена выхода	14
Глава 5. Ночная вахта	17
Глава 6. Правило трёх берегов	20
Глава 7. Под чужим небом	23
Глава 8. Люди без гавани	26
Глава 9. Береговой список	29
Глава 10. Дорога под килем	32
Глава 11. Восемь пропущенных лет	35
Глава 12. Дом, которого не было	38
Глава 13. Смотрительница шестого огня	41
Глава 14. Пять мёртвых огней	43
Глава 15. Соль на ладонях	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Саша Трубен

Маяк на изнанке моря

Глава 1. Письмо, которое промокло изнутри

В тот день, когда мёртвый брат прислал ей письмо, Нэра Вейн торговалась из-за трёх медяков.

Заказчик считал, что море на карте получилось слишком тёмным.

— Оно здесь глубокое, — объяснила Нэра.

— У других светлее.

— У других в этом месте песчаная банка. Можете сесть на неё и любоваться цветом.

Купец поджал губы. У него были мягкие руки, пахнувшие апельсиновой кожурой, и привычка класть монету так, чтобы её край свисал со стола. Приходилось снимать её осторожно. Ему нравилось смотреть.

Нэра подождала, пока он уберёт локоть с ещё не высохшего пролива, и завернула карту в вощёную бумагу. Три медяка он всё-таки оставил. На них можно было купить хлеб, луковицу и немного масла, если продавщица у Старых ворот окажется в хорошем настроении.

За окном висела серая гавань Эдерна. Мачты покачивались вровень с окнами второго этажа, хотя мастерская стояла на холме. Так бывало перед большим осенним приливом: вода поднимала корабли, и город ненадолго вспоминал, что построен ниже моря.

Нэра вымыла кисть, заперла ящик с красками и только тогда заметила девочку.

Та сидела на наружном подоконнике. Под босыми ногами было четыре сажени воздуха, крыша коптильни и чугунная ограда. Серую куртку застегнули на все пуговицы, кроме верхней. На шее виднелась верёвочка, уходившая под ворот.

— Дверь с другой стороны, — сказала Нэра.

— Там человек.

— Вообще-то это бывает.

— Он спросил, кто мне нужен. Я сказала, что ошиблась домом. Потом он пошёл за мной.

Нэра подошла к окну. Внизу, возле коптильни, стоял мужчина в синем форменном плаще без знаков различия. Он будто рассматривал вывеску, хотя коптильня закрылась ещё весной.

— Перелезай.

Девочка оказалась в мастерской почти бесшумно. Только мокрые подошвы шлёпнули по половицам. От неё пахло водорослями и кислым яблоком.

— Нэра Вейн?

— Допустим.

— Сестра Яна?

Нэра перестала задвигать оконный шпингалет.

На стене, между таблицей склонений и счётами за уголь, висела единственная старая карта. Остров Рассветный, западная бухта, глубины, нанесённые рукой двадцатитрёхлетней выпускницы Штурманской палаты. В нижнем углу стояло: «Полевое подтверждение Я. Вейн».

Восемь лет Нэра не произносила эти слова вслух.

— Откуда ты знаешь моего брата?

— Он учит нас считать. Плохо. Всё время говорит, что ответ очевиден.

Нэра почувствовала, как ей стало жарко под воротником.

Ян действительно так говорил. В детстве. Когда пытался объяснить ей карточный фокус, который сам ещё не понял.

— Как тебя зовут?

— Ива.

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать. Он сказал, вы сначала спросите про имя, потом про возраст. Потом предложите поесть, даже если у вас нечего.

Нэра придвинула стул.

— Сядь.

Ива достала из-за пазухи конверт. Бумага снаружи была сухой. Но когда он лёг на стол, под ним сразу появилось тёмное пятно, словно воду налили изнутри.

Нэра не брала его. Разглядывала неровный шов, рыболовную нить вместо клея, букву «Н», похожую на покосившуюся лестницу.

За восемь лет ей трижды продавали вещи с Рассветного. Обломок мачты, якобы поднятый над затонувшим островом. Медальон, который Ян никогда не носил. Наконец, письмо, составленное человеком, знавшим о нём слишком много. За последнее она отдала полугодовой заработок. Отдала, хотя уже поняла, что оно поддельное.

На этот раз денег не было.

— Если тебе сказали, что я заплачу...

— Мне велели передать и вернуться.

— Откуда?

Ива посмотрела на карту.

— Оттуда.

Нэра всё-таки взяла конверт. Нить пришлось перерезать ножом. Внутри лежали лист бумаги и узкая полоска меди с шестью отверстиями. От листа стекала вода. Чернила не расплывались.

«Нэрка, ты была права насчёт крыши. Её надо было чинить летом.

Я жив. Нас здесь шестьсот двадцать четыре человека, если Ода не ошиблась с младенцами. Она говорит, дети считаются отдельно, потому что не спрашивали разрешения родиться.

Не верь большой карте.

Через двенадцать дней погаснет шестой огонь. Тогда проход сложится внутрь. Я не знаю, сколько у нас останется воздуха между приливами.

Ива покажет, куда положить полосу. Доверься ей. Она лучше нас понимает здешнюю воду.

И ещё: в зелёной жестянке была не краска. Не пробуй проверять.

Ян».

Нэра села.

Про жестянку никто не мог знать. Она спрятала там вишнёвую настойку, когда ей было семнадцать, а Яну двенадцать. Он украл её, разбавил водой и потом два дня уверял, что вишня выцвела от солнца.

Письмо дрожало. Нэра положила его на стол обеими руками.

— Он...

Она хотела спросить, как он выглядит, вырос ли, хромает ли после старого перелома, что ест по утрам. Вместо этого произнесла:

— Почему восемь лет?

— Раньше наружу было нельзя.

— А теперь?

— Теперь почти нельзя.

В дверь постучали.

Ива даже не обернулась. Она смотрела на Нэру, и впервые в её лице проступил настоящий возраст: испуганный рот, упрямо сведённые брови, грязная царапина под ухом.

— Не отдавайте меня.

Нэра поднялась. Перевернула сушильную доску, закрывая письмо, сунула медную полоску в рукав.

— В кладовую. За мешками.

— Там нет другого выхода.

— Есть люк в полу. Открой, но не спускайся.

Она дождалась, пока девочка исчезнет, и впустила мужчину в плаще.

Тот осмотрел мастерскую без любопытства. Люди, которым действительно нужны карты, всегда сначала смотрели на стены. Этот смотрел на окна, на дверь кладовой и на её руки.

— Инспектор портового надзора. Разыскиваем несовершеннолетнюю беглянку. Украла имущество Палаты.

Он показал жетон слишком быстро.

— Что именно?

— Служебный предмет.

— Боюсь, описание не поможет. У меня тут всё служебные предметы.

Мужчина перестал улыбаться.

— Она заходила?

— Заказчики приходят через дверь. Вы бы заметили.

Он сделал шаг к столу. На краю сушильной доски блеснула капля воды. Нэра накрыла её тряпкой.

— Вы Нэра Вейн, — сказал он. Уже без вопроса. — Вам не стоит снова связываться с сомнительными лояльностями.

Ей показалось, что в комнате стало теснее.

— Если у вас есть постановление об обыске, предъявите. Если нет — у меня работа.

Инспектор посмотрел на старую карту Рассветного.

— Иногда лучше оставить прошлое в покое.

После его ухода Нэра несколько секунд стояла, прижавшись лбом к двери. Потом повернула ключ.

В кладовой было тихо.

Ива сидела на полу возле открытого люка и ела сухарь, который нашла в кармане. Увидев Нэру, быстро спрятала его, словно кража еды могла оказаться опаснее всего остального.

— Доешь, — сказала Нэра. — А потом покажешь мне, что делать с полоской.

Они разложили старую карту на полу. Медная полоска легла вдоль западного берега. Шесть отверстий совпали с шестью отметками, которые восемь лет назад Нэра приняла за глубины.

Капля воды с письма упала на медь.

Из-под неё проступила тонкая линия.

Она пересекла нарисованный берег, дошла до края листа и продолжилась на половице. Нэра отёрнула руку. Линия светилась бледно-зелёным, дрожала и медленно поворачивалась, словно искала направление.

За окном ударил портовый колокол.

Девочка закрыла уши.

— Слишком громко, — прошептала она. — У нас так уже давно не бывает.

Линия на полу погасла. Но Нэра успела увидеть, куда она указывала.

К Южному молу. К старым причалам, где стояли суда, которым не давали разрешения выйти в море.

Глава 2. Старая печать

Линия исчезла, но на полу остался запах открытого моря. Не гавани с её рыбьей чешуёй, дымом и застоявшейся водой. От половиц пахло так, как пахло на западном берегу Рассветного после ночного отлива.

Нэра опустилась на колени и потрогала дерево. Сухое.

— Это пройдёт, — сказала Ива. — Ода говорит, дорога сначала вспоминает воду.

— Ода многое говорит.

— Да. Особенно когда ей мешают.

Нэра положила письмо на чистый лист промокательной бумаги. Она хотела немедленно бежать на Южный мол. Хотела схватить первое судно, которое согласится выйти, и ни секунды больше не тратить на проверки. Именно это желание заставило её остаться на месте.

Последний мошенник тоже знал про её брата. Знал, как Ян завязывал шнурки разными узлами, как боялся врачей и изображал бесстрашие перед соседскими мальчишками. Часть подробностей можно было купить. Часть — угадать. Нэра не собиралась снова платить чужой надежде собственной жизнью. Тем более что теперь рядом была девочка, которая явно уже заплатила слишком много.

— Снимай куртку, — сказала она. — Пока высохнет, поешь.

Ива отступила к окну.

— Вы передумали?

— Нет. Я думаю.

— На это нет времени.

— На ошибку ещё меньше.

Она разожгла маленькую плиту. Дров почти не осталось; пришлось взять дощечку, которую берегла для новой полки. В жестяной кастрюле нашлись остатки вчерашней похлёбки. Нэра добавила воды, растёрла между пальцами сухую траву и поставила кастрюлю греться.

Ива наблюдала за каждым движением. Не как голодный человек смотрит на еду, а как тот, кто пытается понять устройство незнакомого обряда.

— У вас все сами разводят огонь?

— А у вас?

— Если печь общая, берём угольки. Сухое дерево дорого. Мокрое есть, но оно сердится.

— Дымит?

— Очень сердится.

Нэра улыбнулась и дала ей полотенце. Девочка вытерла голову, потом долго рассматривала вышитые на краю буквы. Полотенце было материнским. Нэра вдруг вспомнила, что собиралась выбросить его ещё прошлой зимой: ткань истончилась, один угол расползся. Но так и не смогла.

Пока Ива ела, она достала из нижнего ящика коробку со старыми письмами Яна. Их было немного. До катастрофы он почти не писал — предпочитал являться без предупреждения, съесть всё приготовленное и оставлять на столе найденный камень, красивый лист или очередную бесполезную железку.

Самое длинное письмо пришло из учебной экспедиции. Ян жаловался на старшего промерщика, который требовал сушить сапоги вдали от печи и поэтому, по мнению брата, ненавидел молодёжь. Нэра положила рядом оба листа.

Новый почерк стал плотнее. Буквы больше не подпрыгивали над строкой, зато сохранились нелепая длинная перекладина у «т» и привычка ставить точку после подписи. Подделать это можно было. Гораздо труднее было подделать изменение: перед ней писал не прежний мальчик, а человек, чья рука за восемь лет привыкла к другой работе.

Она взяла лупу.

На стигах письма соль выступала крошечными кубиками. Обычная морская соль дала бы белый налёт. Здесь кристаллы оставались прозрачными, а под лупой внутри каждого блестела голубая точка. Нэра поднесла к ним старую путевую иглу.

Игла повернулась к Иве.

Не к полоске меди. Не к карте на полу. К девочке.

— Что у тебя на шее?

Ива сразу накрыла ворот ладонью.

— Моё.

— Я не заберу. Просто покажи.

Раковина лежала у неё на груди, тёплая от тела. Нэра заметила тонкий перламутровый край, отверстие, сделанное неровным сверлом, и крохотный скол возле устья. Из такого ракушечника состояла западная гряда Рассветного. У матери была похожая раковина на письменном столе, но давно потемневшая и мёртвая для любой путевой иглы.

Эта отвечала.

Нэра проверила ещё раз. Повернула стол, убрала карту в шкаф, перенесла письмо на другой край комнаты. Стрелка по-прежнему тянулась к Иве.

Девочка доела похлёбку и положила ложку очень аккуратно.

— Вы теперь поверили?

— Теперь я знаю, что ты пришла с действующего берега, которого нет в нашей сети.

— Это значит да?

Нэра посмотрела на неё. Ива старалась держаться вызывающе, но под глазами у неё залегли серые тени. Она проделала невозможный путь и теперь зависела от женщины, которая пряталась за точными словами.

— Да, — сказала Нэра. — Я тебе верю.

У девочки дрогнул рот. Она быстро отвернулась, будто заметила что-то интересное на стене.

Нэра дала ей ещё хлеба.

Потом открыла плоский ящик, куда не заглядывала почти год. Внутри лежали бумаги о катастрофе. Счета за поисковые выходы, письма с отказами, протокол слушания. Всё было рассортировано по датам и перевязано лентами. Этим порядком она когда-то пыталась заменить порядок в собственной голове.

Она нашла копию ведомости пропавших судов. Три названия, списки команд, отметки о выплатах семьям. «Сивуч», «Альма», «Третий день». Все вошли в восточный проход по карте, напечатанной с её именем.

Ива подошла ближе.

— Что это?

— Люди, которые не вернулись.

Девочка прочитала названия. Нахмурилась.

— «Альма» у нас.

Нэра подняла голову.

— Что значит — у вас?

— Корпус. Из него сделали склад возле старого пирса. На носу была женщина с крыльями. Мы с Реваном забирались к ней, пока доски не прогнили. Ода ругалась.

— А люди?

— Не знаю. Некоторые, наверное. У нас старик Митт всё говорит, что его койку переделали под полку.

Нэра вцепилась в край ящика.

Митт Равен, помощник кока, сорок шесть лет на момент исчезновения. Жена, два сына. Выплата выдана за погибшего. Она помнила строчку, потому что жена Митта пришла на слушание и села в первом ряду. Не кричала. Только смотрела на Нэру всё время, пока та объясняла про разрыв.

— Он жив?

Ива пожала плечами.

— Вчера, когда я его видела в последний раз перед уходом, был жив. Сердился, что я не вернула ведро.

Нэра закрыла ящик. Очень медленно, чтобы не прищемить пальцы.

Теперь дело переставало быть только её братом. В городских ведомостях лежали люди, а на острове эти люди сердились из-за вёдер. Между двумя видами бумаги находилось восемь лет, которые никто не собирался объяснять.

У двери снова слышались шаги.

Ива застыла. Нэра подняла ладонь: тихо.

За дверью вздохнули и что-то положили на пол. Потом шаги начали удаляться. Нэра подождала, пока они стихнут, и заглянула в щель.

На коврике лежал пакет от Вилема. Внутри — две стопки обрезков хорошей бумаги и записка: «Тебе на мелкие заказы. Не вздумай платить, это мусор».

Бумага была слишком ровной для мусора.

Нэра постояла с пакетом в руках. Потом взяла лист и написала Вилему короткое сообщение: ей пришлось уехать по семейному делу; если в мастерскую придут с вопросами, он ничего не знает. Хотела приписать, что, возможно, Ян жив, но остановилась. Пока нельзя. Новость, за которой придут люди в синих плащах, не стоило дарить человеку вместе с опасностью.

Ива разглядывала её печать — старую, латунную, с выщербленной ручкой.

— На острове у Яна такая же.

— Это мамина. Ему досталась отцовская.

— Он ставит её на хорошие работы в школе.

Нэра опустила глаза. Отец ставил этой печатью отметки на мешках с зерном, которое закупал для корабельного продовольствия. Он умер, когда Ян был совсем маленьким. Брат почти не помнил его, но сохранил тяжёлый латунный предмет и придумал ему новую работу.

Она прижала свою печать к тёплому воску. На записке появился неровный круг с маленькой звездой посередине.

— Собираемся, — сказала она.

Ива так быстро вскочила, что едва не опрокинула чашку.

— Сейчас?

— Сейчас. Но сначала вымоешь ложку.

— Зачем? Мы же уходим.

Нэра посмотрела на открытое окно, на серое море между крышами, на старые бумаги в ящике.

— Потому что собираемся вернуться.

Девочка взяла чашку и пошла к умывальнику. Нэра начала складывать вещи.

Глава 3. Капитан без разрешения

Нэра не взяла с собой карту Рассветного. Слишком заметная, слишком известная, слишком много раз описанная в протоколах. Она вырезала кальку размером с ладонь, перенесла шесть отметок и оставила на столе всё, кроме циркуля матери, письма и двух смен белья.

Потом вернулась за запасными чулками. Эта простая задержка показалась ей почти непристойной. Где-то жил человек, которого она восемь лет оплакивала, а она выбирала чулки без дыр.

Ива терпеливо ждала у двери.

На улице девочка смотрела вверх чаще, чем под ноги. Над городом низко ходили чайки. Каждый их крик заставлял её вздрагивать.

— На Рассветном нет птиц?

— Есть. Только они тихие.

— Почему?

— Вы много спрашиваете.

— Я картограф. Это профессиональное.

— Ян говорит, профессиональное у вас — сердиться на тех, кто передвинул линейку.

Нэра чуть не рассмеялась. Смех застрял где-то под рёбрами и вышел коротким болезненным выдохом.

До Южного мола они добрались через рыбный рынок. Здесь вода стояла между булыжниками, женщины промывали прилавки, а грузчики ругались с таким усердием, будто их слушала комиссия. Нэра купила два пирожка с репой. Ива свой сначала понюхала, затем осторожно откусила.

— Горячий, — сказала она с удивлением.

— Обычно это достоинство.

— Я знаю.

Больше она не объясняла. Нэра не стала настаивать.

Корабль нашёлся в самом конце мола. Невысокая двухмачтовая шхуна с узкой кормой и облупившейся белой полосой вдоль борта. Название «Крачка» почти стёрлось. С носовой фигуры — птицы с раскрытыми крыльями — свисала верёвка, на которой сушились штаны.

У трапа сидел широкоплечий седой человек и чинил башмак. Одной рукой он держал иглу, другой кружку. Нэра не сразу поняла, что башмак лежит у него на колене и что его собственная нога обута в точно такой же.

— Капитан здесь?

— Смотря кому.

— Пассажиру.

— Пассажиры идут к конторам. Мы стоим.

— Мне нужно выйти в море.

— А мне — новые зубы. Мир жесток.

С палубы раздался голос:

— Там,пусти её. Всё равно она не уйдёт.

Капитан оказался моложе, чем Нэра ожидала. Лет тридцать пять, тёмные волосы коротко острижены, на переносице след от старого перелома. Он стоял у раскрытого компасного шкафа, держа в зубах маленький винт. На левой руке не хватало последних фаланг двух пальцев.

Нэра заметила это и тут же отвела взгляд. Он заметил, что она заметила.

— Эрик Лосс, — представился он, вынув винт. — До полудня возился с компасом. Теперь, видимо, буду возиться с вами.

— Мне нужен капитан, который не испугается плохой карты.

— Тогда вы ошиблись. Я их очень боюсь.

— Но ходите по ним?

— Именно поэтому.

Он положил винт на тряпку и кивнул на Иву.

— Ваш ребёнок?

— Нет.

— Мой знакомый ребёнок? Дочь человека, которому я задолжал? Просто скажите сразу, что случилось.

Нэра достала кальку и полоску меди. Эрик перестал улыбаться ещё до того, как она успела объяснить.

— Откуда это?

— С Рассветного.

Там на причале перестал шить.

Капитан молча отодвинул компасный шкаф, прикрывая их от соседнего судна.

— Здесь не произносят это название громко.

— Мой брат жив, — сказала Нэра. — Восемь лет мне рассказывали, что остров затонул.

А теперь он прислал письмо. Я хочу туда попасть.

— Кто ваш брат?

— Ян Вейн.

Что-то изменилось в лице Эрика. Совсем немного: будто он вспомнил, куда положил нужную вещь, и понял, что достать её будет трудно.

— А вы Нэра.

— Знаете меня?

— Знаю карту.

Это было хуже. В Эдерне слишком многие знали карту, из-за которой погибли три судна. Карта двадцатитрёхлетней девушки с отличными оценками и недостаточным почтением к старшим. Именно так говорили на слушании. Нэра помнила формулировку лучше собственного выпускного свидетельства.

— Карта была правильной.

— Я не сказал обратного.

— Обычно говорят следующим предложением.

Капитан посмотрел ей в глаза. У него были светлые, почти бесцветные радужки; из-за них лицо казалось спокойнее, чем было на самом деле.

— У вас есть деньги?

Она назвала сумму. Эрик не засмеялся, и за это Нэра испытала неожиданную благодарность.

— На треть припасов, — сказал он. — Если ходить недалеко и никого не кормить.

— Я умею вести прокладку. Пересчитывать живые лодии. Чинить путевые пластины.

— У меня есть штурман.

— И разрешение выйти в море?

Он глянул на мол. Возле таможенного склада появились двое в синих плащах.

— Нет.

— Значит, вам тоже что-то нужно.

— Мне нужно, чтобы вы ушли, пока не привели сюда надзор.

Но было поздно. Ива уже присела за бочкой, прижимая ладони к груди.

Один из инспекторов остановился у трапа. Это был тот самый человек из мастерской.

— Капитан Лосс. У вас гости?

Эрик легко опёрся на фальшборт.

— Зависит от того, принесут ли они еду.

- Девушка в серой куртке здесь не появлялась?
- Сегодня? Вчера? Уточните, у меня насыщенная жизнь.
- Не советую.

— Я тоже многое не советую. Например, стоять под грузовой стрелой.

Инспектор машинально отступил. Там поднял голову от башмака и выразительно посмотрел вверх, где действительно болталась старая таль.

— Судно под запретом выхода, — произнёс второй инспектор. — Напоминаю.

— Очень любезно. Я как раз забыл, почему люблюсь одной и той же кучей рыбьих костей четвёртый месяц.

Люди в плащах ушли не сразу. Осмотрели соседнюю баржу, поговорили с рабочим, остановились возле склада. Всё это время Нэра стояла за шкафом, а Ива не двигалась.

Когда мол опустел, Эрик присел перед девочкой.

- Посмотри на меня. Как ты добралась сюда?
- На промывочной лодке. Внутри солевого ящика.
- Кто открыл ящик?
- Никто. Я сама.
- Сколько времени ты была внутри?
- Не знаю.

Он выругался очень тихо, так что Нэра не разобрала слов.

— Там, дай ей воды. Не залпом.

Потом повернулся к Нэре:

— Мы пойдём в море сегодня ночью. До Серой косы я вас довезу. Дальше будем решать, когда увидим вашу дорогу.

— Почему вы согласились?

— Потому что на промывочных лодках нет ящиков, из которых можно выбраться самостоятельно. Их пломбируют снаружи.

Ива подняла подбородок.

- Ян сделал мне нож.
- Хороший нож?

Она вытащила из рукава короткую пластину с обмотанной нитками рукоятью. На лезвии ещё держались обрывки свинцовой пломбы.

Эрик долго смотрел на них.

— Очень хороший, — сказал он наконец. — Умеет ваш Ян делать нужные вещи.

Он отвёл Нэру к корме и уже другим голосом спросил:

- Когда пришло письмо?
- Час назад.
- Сколько он дал времени?
- Двенадцать дней.

Капитан посмотрел на портовую башню, где готовили сигнальные огни к вечернему приливу.

— Тогда мы уже опаздываем.

Глава 4. Цена выхода

До темноты оставалось пять часов. За это время выяснилось, что у «Крачи» нет разрешения, полного экипажа, хороших парусов и достаточного запаса пресной воды. Зато у неё имелись исправный малый ходовой двигатель, восемь длинных вёсел, тайный отсек под рыбным садком и команда, привыкшая обходиться тем, что есть.

Кроме Эрика и Тама на борту оказался Сава Мель — худой молодой человек с веснушками и тремя карандашами за правым ухом. Он встретил Нэру не приветливо. Его штурманский стол был застелен чистой бумагой, на которой лежал только новенький угломер. Нэра сразу поняла, почему он злится: её привели, не спросив его, и поставили над работой, которую он считал своей.

— Я не собираюсь занимать ваше место, — сказала она.

— Все так говорят, пока не заняли.

— Хорошо. Я собираюсь занимать половину стола. Которая ближе к лампе. У меня хуже зрение.

Он посмотрел на неё с подозрением.

— Сколько вам лет?

— Тридцать один. Начинайте бояться заранее.

Сава всё-таки отодвинул угломер.

Эрик выдал ей рабочий договор, написанный от руки на обороте старой грузовой накладной. Оплата — доля в возможной выручке за найденный маршрут, расходы на спасение людей вычитались прежде дележа. Нэра перечитала этот пункт дважды.

— Вы рассчитываете продавать дорогу?

— Я рассчитываю кормить команду. Но не собираюсь брать деньги с вашего брата за место на палубе.

— А с остальных?

— Тоже. Поэтому здесь и написано: прежде дележа.

Она поставила подпись. Ей хотелось потребовать большего — обещания, что капитан не повернёт назад, что не бросит остров, что найдёт Яна, даже если придётся разобрать море на части. Но бумага была уже достаточно нелепой. И человек напротив не притворялся, будто умеет гарантировать невозможное.

За припасами Нэра пошла сама. Там дал ей список и велел не покупать копчёную рыбу у человека с золотым зубом.

— У него три золотых зуба, — заметила она.

— Значит, дела всё хуже.

У рынка Нэра задержалась перед дверью переплётной лавки. Хозяин, старый Вилем, знал её мать и иногда покупал инструменты у обедневших штурманов. Он сразу заметил футляр в её руках.

— Не продавай, — сказал он вместо приветствия.

— Сколько?

— Нэра.

— Сколько, Вилем?

Он раскрыл футляр. Серебряные ножки материнского циркуля потемнели у шарнира. На внутренней стороне была гравировка: «Чтобы расстояние оставалось только расстоянием».

Мать умерла за два года до исчезновения Яна. Циркуль пережил обе потери, три переезда и зиму, когда Нэра ела один овёс. Она привыкла считать его частью руки.

Вилем назвал цену выше рыночной.

— Не надо, — сказала Нэра.

— Тогда забирай и уходи. Я сегодня щедрый. Завтра пройдёт.

Она оставила инструмент на прилавке. Взамен получила свёрток монет и дешёвый стальной циркуль, который Вилем сунул ей в карман без объяснений.

Когда она вышла, воздух показался непривычно лёгким. Не от свободы. От того, что исчез привычный вес.

На обратном пути Нэра увидела вывешенное у таможни объявление. Через одиннадцать дней, в ночь Осеннего схождения, все малые суда должны были оставаться в гаванях. Причина — испытание обновлённой маячной сети. Подпись: верховный смотритель путей Астор Рейн.

Она перечитала даты. Ян отсчитывал время до того же самого события.

На «Крачке» приготовление шло без суеты. Там укладывал бочки, Ива мыла котелок, Сава убирал с мачты официальный путевой фонарь. Вместо него он устанавливал старую стеклянную чашу, обмотанную проволокой.

— Это что?

— Наше разрешение выйти, — ответил он. — Рыбацкий огонь. По нему нас сочтут промысловиком, пока не посмотрят в подозрную трубу.

— А потом?

— Желательно, чтобы потом было уже далеко.

Капитан стоял в каюте над картой гавани. Нэра положила перед ним объявление. Он взглянул и протянул ей другой лист — тот же приказ, но с приложением для капитанов. На нём указывались часы закрытия фарватеров, сигналы патрулей и порядок задержания нарушителей.

— Откуда это у вас?

— У меня родственники на государственной службе.

— Полезные?

— Иногда очень неудобные.

Он попросил проложить выход без маячных лучей. Нэра заняла место у стола. За восемь лет она привыкла исправлять чужие маршруты, раскрашивать отмели для купцов и терпеливо объяснять, почему роза ветров не украшение. Настоящую лоцию, от которой зависел корабль, она не составляла с того самого дня.

Карандаш упёрся в бумагу.

Она слышала старые голоса: «Излишняя уверенность», «Недостаточная проверка», «Три судна», «Восемьдесят семь погибших».

Эрик ничего не сказал. Только поставил рядом кружку и вышел.

Нэра выпила воду. Разложила данные прилива, проверила глубину у старого волнолома, отметила цепь, закрывавшую грузовой проход. Цепь натягивали после четвёртого вечернего удара. До этого через проход выходили мусорные баржи. Их никто не любил осматривать.

Она начертила первую линию.

К девяти часам «Крачка» пахла рыбными потрохами. Там с заметным удовольствием разложил их в плоских ящиках по палубе. Ива впервые засмеялась, когда капитан, не глядя, наступил в один из них.

Они вышли на вёслах, без парусов. Сава стоял на носу с шестом, Нэра — рядом с капитаном. В темноте гавань потеряла привычные размеры. Склады стали скалами, огни — чужими окнами, а цепь грузового прохода казалась тонкой линией, которой кто-то перечеркнул весь мир.

— Пять минут, — сказал Эрик.

До четвёртого удара оставалось семь.

Впереди качался патрульный катер. Луч его фонаря прошёл по воде, скользнул по борту и задержался на имени.

— Судно, остановиться!

Эрик не изменил выражения лица.

— Остановиться не успеем. Весла на воду. Там, готовься.

Нэра схватила его за рукав.

— Справа от катера отливная струя. До стены три сажени, потом поворот.

— Я знаю гавань.

— Там после ремонта новый подводный уступ. Я его наносила в прошлом месяце.

Он посмотрел на воду, потом на неё.

— Сколько держать?

— До белого камня. Потом резко влево.

«Крачка» прошла мимо катера так близко, что Нэра увидела удивлённые глаза матроса. Сзади крикнули. Там перевернул ящик с потрохами прямо под ноги патрульным, пытавшимся зацепить борт багром.

Белый камень появился из темноты.

— Сейчас.

Эрик навалился на румпель. Судно качнулось, корпус скользнул боком, и Нэра услышала, как под килем прошуршал песок. Не удар. Только предупреждение.

Ударил четвёртый колокол.

Цепь начала подниматься.

— Ложись! — крикнул Там.

Все пригнулись. Передняя часть цепи уже выходила из воды, но середина ещё провисала. «Крачка» нырнула в чёрный промежуток. Железо скребнуло по корме, оставив глубокую борозду, и с лязгом натянулось позади.

За молом Эрик приказал поднять паруса.

Нэра всё ещё держалась за край рубки. Она ожидала облегчения, радости, хотя бы дрожи. Вместо этого вдруг ясно поняла: обратно в прежнюю жизнь её уже не пустят.

Капитан снял её пальцы с дерева по одному.

— Вывели, — сказал он.

— Едва.

— Это слово в портовом журнале не пишут.

Впереди было море. Настоящее, холодное, тёмное. Где-то за ним человек с её фамилией всё ещё ждал, что она придёт.

Глава 5. Ночная вахта

После выхода Эрик ещё долго видел за кормой цепь.

Её уже не было видно на самом деле. Гавань скрылась, огни береговых складов слились в одну мутную полосу. Но стоило капитану моргнуть, перед глазами снова возникала натянутая чёрная линия и белые пальцы Нэры на косяке рубки.

Он слишком привык считать опасность частью собственной профессии. Чужой испуг иногда возвращал ей настоящий размер.

Там появился рядом, вытирая нож о тряпку.

— Пробоину не получили. Полоса содрана, доски целы. Пока. В тихой воде посмотрим получше.

— Усиль изнутри.

— Уже. И не вздумай говорить, что это было красиво.

— Не собирался.

Боцман посмотрел на капитана, потом на Нэру, согнувшуюся у подветренного борта.

— Родня?

— Чья?

— Не изображай столб. Вейн. Ты узнал фамилию ещё на причале.

Эрик молчал.

Там прожил рядом с ним достаточно лет, чтобы не принимать молчание за отсутствие ответа.

— Скажешь ей?

— Сначала выведем судно из патрульной полосы.

— Потом найдётся следующая полоса.

Эрик резко повернулся.

— Я знаю.

Там поднял обе руки. Не примирительно — скорее показывая, что не собирается драться ради того, что всё равно придётся сделать.

— Ладно. Я дам ей воды. Ты пока поговори с рулём. Он умеет слушать.

Боцман ушёл. Капитан остался один.

«Крачка» шла тяжело: припасов взяли больше обычного, люди располагались не так, как в торговом рейсе, старый парус тянул чуть в сторону. Эрик чувствовал судно по изменению давления на румпель. На хорошем ветру оно будто просило отпустить его немного вперёд. Сегодня просило не торопить.

Он купил шхуну после второго неудачного похода к закрытой воде. В ту пору у него были долги, искалеченная рука и уверенность, что ни один разумный человек больше не доверит ему палубу. Прежний хозяин «Крачки» оказался неразумным только с виду. Продал дёшево, потому что судно требовало слишком много работы, и брал выплаты рыбой, перевозками и иногда починкой собственного сарая.

Первую зиму Эрик и Там жили на борту вдвоём. Спали возле маленькой печи, по очереди вычерпывали воду, спорили, что чинить раньше — носовую переборку или кухонную плиту. Там настаивал на плите. Эрик — на переборке. В итоге починили плиту, и это оказалось верным решением: голодные люди плохо работают даже с прочными стенами.

Потом пошли короткие рейсы. Парусина, рыба, инструменты, почта, иногда груз, о котором лучше было не спрашивать, если он не дышал, не кровоточил и не пах опасной химией. Эрик отказывался от перевозки людей в закрытых ящиках. Один заказчик после отказа сказал, что капитан слишком щепетилен для своего положения. Эрик ответил, что положение у него меняется, а вкус к собственному сну остаётся.

Теперь на борту была девочка, которая выбралась именно из такого ящика.

Он сжал румпель сильнее.

Из рубки вышел Сава с картой приливных течений. Молодой штурман старался выглядеть невозмутимым, но во время прохода под цепью потерял один карандаш и теперь всё время трогал оставшиеся два.

— До Серой косы можно взять полнее ветер. Сэкономим час.

Эрик посмотрел на предложенную линию.

— Ночью здесь рыбачат без огней.

— По правилам должны с огнями.

— Рыба правила читает плохо. А рыбаки не хотят платить за световую соль. Возьмём севернее.

Сава нахмурился, но отметил поправку.

— Нэра тоже так сказала бы?

— Не знаю. Спроси у неё.

— Она всё знает про карту Рассветного.

— Она её рисовала.

— Именно.

В этом слове было больше, чем Эрику понравилось.

— Сава. На моём судне человека судят по работе, которую он делает здесь. Сегодня она вывела нас через проход, которого я не учёл. Ты это видел.

— Видел.

— Тогда следующую часть мнения составишь завтра.

Молодой человек убрал карту. Ему было двадцать два, и он ещё хотел, чтобы мир заранее раскладывал людей на тех, кому можно верить, и остальных. Эрик помнил это желание. Иногда оно казалось ему роскошью молодости. Иногда — последней разумной надеждой, которую взрослые почему-то принимались высмеивать.

Сава задержался у двери.

— Я не против неё. Просто я готовился вести этот рейс. Вернее, любой следующий рейс. Четыре месяца готовился. И вдруг оказалось, что нужен другой человек.

Эрик посмотрел на него внимательнее.

— Нам нужен путь, которого нет у нас обоих. Это не значит, что твоя работа не нужна.

— Но решения будете принимать вы с ней.

— Решения по судну принимаю я. По карте ты имеешь право возражать кому угодно. Только с цифрами, а не с обидой.

Сава кивнул и ушёл. Эрик не был уверен, что разговор помог. Иногда хорошие слова действовали медленнее плохих. Иногда вовсе не действовали до первой общей ошибки.

Там вернулся с кружкой, которую поставил у ног капитана.

— Тебе тоже надо пить. А то высохнешь и начнёшь скрипеть.

— Она как?

— Живая. Злая. Это хороший признак.

Нэра действительно подняла голову, будто слышала. На неё накинули старое одеяло, волосы выбились из-под платка. Она пыталась сказать что-то Иве, но девочка уже спала, привалившись к борту.

Эрик передал руль Таму и подошёл.

— В каюте есть койка.

— В каюте хуже.

— Сначала обычно так.

— Спасибо за обещание светлого будущего.

Он присел неподалёку, оставив ей пространство.

— Вы раньше ходили в море?

— Да. Давно.

— После Рассветного не ходили?

Нэра посмотрела на него. Взгляд у неё был усталый, но очень точный.

— Дважды. На поиски. В третий раз не хватило денег. Потом один капитан согласился взять бесплатно, но захотел, чтобы я сначала побыла с ним по-дружески. Я отказалась.

Эрик отвёл глаза к воде.

— Имя помните?

— Помню. Зачем?

— Чтобы не рекомендовать.

Она коротко усмехнулась.

— Не надо решать за меня старые дела. У меня новые.

Он принял замечание. Оно было справедливым и неприятным.

Нэра осторожно выпрямилась, держась за край бочки.

— Мне надо знать, как устроена ваша служба. Где можно работать, что трогать, куда складывать приборы. Я не хочу мешать просто потому, что вы забыли объяснить.

Эрик показал ей рубку, сухой ящик, место запасных канатов, сигнальный свисток. Рассказал, какие команды относятся ко всем без исключения. Нэра слушала серьёзно. Один раз попросила повторить. Она не пыталась изображать человека, который всё умеет, и от этого доверять ей становилось легче.

— Если человек за бортом? — спросила она.

— Кричите, показываете рукой и не отводите взгляд. Не прыгаете следом, если я не велел. Второго спасать труднее.

— Даже если я уверена, что доплыву?

— Особенно если уверены. Уверенность тонет быстро.

Она кивнула и повторила правила своими словами. Потом вернулась к Иве, подоткнула ей одеяло и села рядом.

Эрик задержался.

Он мог рассказать сейчас. Про старый патруль, закрытую воду, подпись под обещанием молчать. Девочка спала. Там стоял у руля. До Серой косы оставалась целая ночь.

Нэра подняла на него глаза.

— Что-то ещё?

Он открыл рот и вместо правды сказал:

— Если станет холодно, берите второе одеяло. Под сиденьем.

Она поблагодарила.

Вернувшись к рулю, Эрик увидел, что Там смотрит на него без удивления.

— Следующая полоса? — спросил боцман.

Капитан взял румпель.

— Да.

До рассвета он больше не позволял себе смотреть в сторону подветренного борта. Море требовало внимания. На этот раз это было правдой, но правды оказалось достаточно, чтобы снова спрятать за ней другое.

Глава 6. Правило трёх берегов

Первую ночь Нэру укачивало.

Она была готова к страху, погоне и допросу. К тому, что собственный желудок откажется участвовать в спасении брата, она готова не была. Там усадил её у подветренного борта, дал кружку с тёплой водой и велел смотреть на неподвижную звезду.

— Они все двигаются, — сказала Нэра.

— Тогда выбери ту, что меньше старается.

Рядом на бухте каната спала Ива. Она свернулась так плотно, что казалась узлом из серой ткани и тёмных волос. Во сне пальцы её по-прежнему держались за верёвочку на шее.

К рассвету волнение улеглось. Гавань исчезла, берег сделался бледной полосой, и Нэра смогла пройти в рубку, не цепляясь за каждую стойку.

Сава сидел над её калькой.

— Это не глубины, — сказал он.

— Уже заметила.

— Шесть точек. Интервалы неравные. Похоже на маячную последовательность старого образца.

— Что ты знаешь о старом образце?

Он пожал плечами, довольный, что ей всё-таки понадобилось его знание.

— До Палаты пути держали по трём берегам. Один настоящий, один отражённый, один помнимый.

— Определение неточное.

— Так в учебнике.

— Учебники тоже иногда пишут люди.

Нэра достала чистый лист и нарисовала треугольник.

Настоящий берег — положение судна, закреплённое измерением. Отражённый — берег назначения, ответивший собственным огнём. Третий — независимая точка, свидетельствующая, что оба измерения относятся к одной воде. Без третьей точки маршрут мог закольцеваться. Судно шло прямо и возвращалось к тому же самому мысу, не совершив поворота.

Большие маяки Палаты объединяли тысячи таких треугольников. Их карты не просто изображали море: световая соль в чернилах удерживала уже проверенные связи. Это экономило недели пути и избавляло от блуждающих течений. Но даже самая дорогая живая карта нуждалась в берегах, которые соглашались ей отвечать.

— Если погасить один маяк? — спросил Сава.

— Соседние подхватят.

— Если все?

— Связь распадётся. Физически остров останется на месте, но сеть поведёт тебя вокруг него. Как вода обтекает камень.

— Можно идти без сети. По звёздам.

— На обычной воде можно. В складке — звёзды отражаются вместе с пространством. Будешь мерить отражение и считать, что небо настоящее.

Сава задумался.

— Значит, Рассветный не затонул.

— Значит, у нас есть причина это проверить.

Нэра не хотела произносить вслух больше. Надежда уже делала её неосторожной. Она ловила себя на том, что мысленно подбирает брату тёплую одежду, хотя ещё не знала, попадёт ли на остров.

Вошёл Эрик с двумя кусками хлеба. Один положил возле её локтя, другой продолжил есть сам.

— До Серой косы четыре часа. Там стоит независимый огонь. Если ваша полоса настоящая, он даст третью точку.

— Откуда ты знаешь про него? — спросил Сава.

— Потому что однажды налетел на эту косу. После такого начинаешь ценить местные огни.

На палубе зазвенело стекло. Ива стояла возле старой фонарной чаши и стучала по ней ногтем. С каждым ударом медь на столе отвечала едва слышным звоном.

Нэра вышла из рубки.

— Где ты научилась?

— У Оды.

— Кто она?

— Смотрительница. Ей всё не нравится. Как я вяжу узлы. Как Ян чинит насос. Как море себя ведёт. Особенно последнее.

— А как ты нашла дорогу наружу?

Ива перестала стучать.

— Я не нашла. Лодка знала.

Постепенно, с паузами и упрямым молчанием, Нэра услышала историю. Раз в месяц к Рассветному приходила промывочная лодка. Люди в масках забирали бочки световой соли и привозили муку, масло, лекарства. Никому с острова нельзя было подходить к ним. Груз оставляли на каменной площадке, лодка приходила ночью. Иногда лекарства оказывались просроченными. Иногда вместо муки привозили крупу, иногда ничего.

В этот раз Ян заметил, что ящики на обратном пути не проверяют: они считались опасными из-за солевой пыли. Он не хотел посылать Иву. Она забралась сама. Нож получила для другой работы — срезать крепёж на старом маяке.

— Он знает, что ты уплыла?

— Я оставила записку.

— Ты сказала, что он велел передать письмо.

— Велел. Когда-нибудь. Если будет возможность.

Нэра закрыла глаза.

Она уже представляла, как Ян ищет девочку на острове, как находит записку, как пытается понять, жива ли та в закрытом ящике. Восемь лет он не мог послать сестре ни слова. Ива решила, что может рискнуть вместо него.

— Больше так не делай, — сказала Нэра.

Девочка сразу оцетинилась.

— Тогда нас бы никто не нашёл.

— Возможно. Но ты могла умереть.

— Мы и там можем.

Ответить было нечего.

К полудню появилась Серая коса. Полоса мокрых камней, две покосившиеся рыбацкие хижины, деревянная вышка с зеркалом. Нэра ожидала увидеть смотрителя. Вместо этого над косой кружили только птицы.

Там высадился первым. Осмотрел хижины и поднял руку: можно.

Внутри пахло остывшей золой. Чайник стоял на столе, рядом — разрезанная луковица, покрывшаяся тонкой коркой. На двери висел лист с печатью Палаты: независимый огонь закрыт за нарушение единых правил безопасности.

Эрик провёл пальцем по пыли.

— Неделю назад здесь ещё жили.

Нэра поднялась на вышку. Зеркало сняли, но поворотная рама осталась. В её основании зияли шесть маленьких отверстий.

Медная полоса вошла точно.

Из моря, в миле от косы, донёлся низкий звук. Он был похож на удар по огромному мокрому колоколу.

Ива побледнела.

— Так не должно быть, — сказала она.

Вода возле «Крачки» пошла кругами. Внутри каждого круга отражалось другое небо — зеленоватое, без солнца.

Глава 7. Под чужим небом

Нэра первым делом вытащила полоску из рамы.

Круги не исчезли.

Они разрастались, сталкивались, расходились снова. Между ними обычная вода поднималась узкими гребнями. «Крачка» дёргалась на якорном канате, как собака, почувствовавшая огонь.

— На судно! — крикнул Эрик.

Нэра сбежала с вышки, оступилась на последней ступеньке и больно ударилась коленом. Ива подхватила её раньше, чем она упала. Они вместе добрались до шлюпки.

Сава уже стоял на корме шхуны, закрывая компас плотной тканью. Путевой фонарь дрожал. В его стекле темнели крошечные точки, похожие на утонувших мошек.

— Не смотрите в отражения! — крикнул он. — Выбирайте берег!

Нэра посмотрела. Успела увидеть в воде целый город — белые ступени, круглую площадь, женщину, развешивавшую бельё. Всё это лежало ниже, чем должно было быть дно. Женщина подняла голову.

Шлюпка качнулась.

— Нэра!

Эрик схватил её за ворот. На миг она рассердилась: грубо, больно, она сама держалась. Потом увидела, что уже перевалилась через борт по пояс.

Её не тянула чужая рука. Просто глаза убедили тело, что поверхность воды — это не поверхность, а открытая лестница.

— На меня смотри, — сказал капитан. — Пока не поднимемся.

Она послушалась. Считала бледные точки у него на переносице, тёмный шрам возле уха, морщину между бровями. Мир снова стал тесным, настоящим и очень холодным.

На палубе Там уже рубил якорный канат.

— Можно выбрать! — крикнул Сава.

— Можно утонуть с хозяйственностью, — ответил Там и ударил ещё раз.

Освободившаяся «Крачка» развернулась бортом к косе. Паруса повисли: ветер шёл по кругу вместе с водой.

Нэра добежала до штурманского стола. На кальке появились линии, которых она не рисовала. Они сходились к шести точкам, но одна была перечёркнута.

Не закрыта. Отрезана.

Кто-то использовал её попытку вызвать огонь, чтобы найти их.

— Это ловушка, — сказала она. — Маяк ещё связан с сетью. Только теперь он передаёт наше положение.

Эрик стоял рядом, одной рукой держась за дверной косяк.

— Можешь отключить?

— Если вернуться на вышку.

— Другой способ.

Нэра посмотрела на Иву. Девочка сжала кулаки, стараясь не показать, что дрожит.

— Ты сказала, лодка знала дорогу. Как она шла через границу?

— Задом.

— Что?

— Кормой вперёд. Последнюю часть. Я видела сквозь щель. Огни оставались у носа, а мы уходили от них.

Сава поднял голову.

— Обратная прокладка.

Да. Запретная ещё со второго курса, потому что в ней направление цели задавалось отсутствием знакомого берега. Нэра никогда не видела, чтобы кто-нибудь пользовался ею вне учебной чаши. Но промывочные лодки ходили. Кто-то проделывал это каждый месяц.

Она перевернула кальку, приложила медь с обратной стороны и нацарапала стальным циркулем три короткие линии. Бумага порвалась. Нэра выругалась, подложила вощёный лист, начала снова.

— Мне нужен берег, который ещё отвечает.

— Коса? — спросил Сава.

— Она отвечает Палате.

Ива сняла с шеи верёвочку. На ней висела небольшая раковина с просверленным краем.

— Это с нашего дома. Ода велела не терять.

Нэра осторожно приняла её. Внутри перламутра светилась тонкая полоса, такая же, как вода в письме.

— Эрик, разворачивай кормой к тёмному кругу. Не к самому большому. К тому, где нет отражения облаков.

— Вижу.

— Сава, считай удары. Через три перевернёшь чашу.

— Какие удары?

И тут море снова загудело.

Нэра прижала раковину к карте.

Первый звук прошёл через зубы. Второй — через колени. На третьем Сава перевернул фонарную чашу, и вся световая соль высыпалась на палубу. Огни погасли.

Шхуна провалилась в тишину.

Не было ни удара, ни водяной стены. Просто берег исчез. Движение под ногами стало другим: медленным, вязким, словно море устало.

Нэра открыла глаза.

Над ними висело зеленоватое небо без солнца. Далеко впереди стояли два тонких столба света. Один погас, пока она смотрела.

— Пятый, — прошептала Ива.

Капитан проверил руки команды взглядом, будто пересчитывал не людей, а то, что могло у них оторвать.

— Все на месте?

Там кивнул. Сава поднял большой палец. Нэра ответила не сразу: голова гудела, перед глазами расплывались пятна. На пальцах, державших карту, проступили белые полосы ожога.

Эрик заметил.

— Покажи.

— Потом.

— Сейчас.

Он принёс воду, осторожно разжал её ладонь. Кожа была цела, но пальцы почти ничего не чувствовали.

— Путевой ожог, — сказала Нэра. — Пройдёт.

— Когда?

— Обычно через день.

— А необычно?

— Не начинай.

Он перевязал ладонь чистой тканью. Не спорил, что почему-то раздражало сильнее спора.

Море вокруг было спокойным. Слишком спокойным. Ни птицы, ни гребня, ни шороха ветра. Только у борта всплывала белая пена, похожая на молоко.

Там бросил за борт щепку. Она поплыла рядом с судном, потом неожиданно обогнала его и исчезла. Через несколько секунд та же щепка появилась с другой стороны.

— Не люблю, когда дерево умнее меня, — сказал он.

Вдали обозначилась скала. Потом вторая. Между ними лежал проход, которого на карте не было.

Ива встала у носа.

— Я знаю это место.

— Рассветный? — спросила Нэра.

— Нет. Здесь нельзя останавливаться.

На скале висели три корабельных колокола. Ни один не качался. Но из прохода донёлся голос:

— «Крчка». Уберите паруса. Вы вошли в закрытую воду.

Глава 8. Люди без гавани

Голос шёл через медную трубу, вмурованную в скалу. На верхнем уступе показались двое с арбалетами.

Эрик медленно поднял пустые руки.

— Нас занесло течением. Нужна стоянка и вода.

— Имя капитана.

— Лосс.

Один из людей наверху повернулся к другому. Нэра заметила это и посмотрела на Эрика, но тот не изменился в лице.

— Сколько человек?

— Пятеро.

— Оружие?

— Два арбалета, ножи, боцман.

Там выразительно вздохнул.

Им велели идти вдоль левой стены и не касаться белых знаков. Внутри скалы открылась узкая бухта. К камням были пришвартованы три переделанных рыбацких судна, несколько плотов и старый водолазный колокол. На берегу сушились сети. В железных тазах росла зелень.

Это была не пиратская база, какой Нэра успела её представить. Скорее деревня, у которой украли землю и которая научилась обходиться без неё.

К трапу подошла женщина с седой косой, обрезанной у плеча. На её куртке виднелся след от споротого форменного знака.

— Эрик.

— Мала.

— Живой. Неожиданно.

— Я тоже рад.

Она ударила его в лицо.

Коротко, без замаха. Там дёрнулся, но Эрик остановил его поднятой ладонью. Уголок рта у капитана рассёкся.

— За восемь лет, — сказала Мала.

— Понял.

Нэра смотрела на них. Всё, что она успела решить об Эрике за последние сутки, вдруг оказалось слишком поспешным.

— Отведите ребёнка в дом, — велела Мала. — Остальные за мной.

— Я не ребёнок, — начала Ива.

— Хорошо. Отведите взрослую голодную особу в дом. Там суп.

Ива поколебалась, потом пошла.

В помещении под скалой стоял длинный стол. Стены были расписаны отметками уровня воды. Самая высокая проходила над головами. Нэра невольно задержала на ней взгляд.

— Прошлой зимой, — сказала Мала. — Здесь обычно суше.

Она оказалась бывшей помощницей портового врача Рассветного. В ночь исчезновения острова вышла с другими людьми на спасательном баркасе. Они добрались до этих скал, но дальше вода заворачивала обратно. Уходили на восток — возвращались с запада. Жгли сигнальные костры — никто не отвечал.

Потом появились промысловые суда. Условие было простым: не пытаться уйти, не приближаться к погрузке, не зажигать собственных путевых огней. Взамен выдавали продукты. Припасы сократили после первой попытки сопротивления.

— Кто вам это сказал? — спросила Нэра.

— Человек в маске. У них всех одинаковые голоса, когда они читают распоряжения.

— Вы могли напасть на лодку.

— Напали. Потеряли семерых. Следующий месяц не получили муки. Хотите ещё умных предложений?

Нэра промолчала.

Мала налила ей воды. Этот неожиданный жест был хуже грубости. Здесь не считали её врагом — просто ещё одним человеком с наружной стороны, уверенным, что решение должно быть лёгким.

Эрик сидел напротив, не вытирая кровь.

— У вас есть связь с островом?

— Раз в три дня ходит лодка, если складка пускает. Сегодня должна была. Не пришла.

— Пятый огонь погас.

Мала перестала двигаться.

— Когда?

— Час назад.

Она закрыла лицо руками, затем быстро встала.

— Значит, не двенадцать дней.

— До схождения одиннадцать, — сказала Нэра.

— Для вас. Здесь огни дохнут по одному. Последний может не выдержать до назначенной ночи.

Нэра достала письмо. Когда назвала Яна, Мала впервые посмотрела на неё иначе.

— Значит, добралась, — сказала она про Иву. — Упрямая дрянь. Я думала, мы её потеряли.

— Вы знали, что она уйдёт?

— Нет. Я знала, что она пропала.

Из соседней комнаты донёсся смех. Ива что-то рассказывала детям. Нэра не разбирала слов, только слышала, как высоко взлетает её голос. На шхуне девочка говорила почти шёпотом.

Им разрешили остаться до утра и набрать воды из подземного источника. За еду Нэра предложила исправить местные карты. Мала отнеслась к этому без энтузиазма, но принесла свёрток листов. На них были береговые очертания, расстояния, даты и десятки перечёркнутых путей.

До вечера Нэра и Сава работали за столом. Постепенно проявился узор: каждый месяц безопасные проходы сужались. Не случайно. От периферии к Рассветному. Как если бы вокруг острова затягивали шнур.

Сава увидел это почти одновременно с ней.

— Они собирают воду, — сказал он.

— Скорее давление. Из каждой закрытой связи оно уходит в оставшиеся.

— Зачем?

Нэра вспомнила приказ об испытании сети. И бочки световой соли, которых в Эдерне год от года становилось больше.

— Пока не знаю.

Вечером она нашла Эрика у причала. Он сидел на перевёрнутой лодке и держал мокрую тряпку у губы.

— За что она тебя ударила?

Он долго смотрел на воду.

— Я был здесь в ту ночь. На патрульном судне. Вывез людей.

— Сколько?

— Тридцать семь.

— Почему не вернулся?
— Нам закрыли путь.
— И восемь лет ты молчал?
Эрик опустил тряпку.
— Да.

Нэра ожидала оправдания: приказ, угроза, незнание. Он не дал ей ни одного. От этого стало ещё холоднее.

— Ты знал, что остров не затонул.
— Знал, что в ту ночь на нём оставались живые. Потом нас уверили, что складка разрушилась. Я пытался пройти ещё дважды. Второй раз вернулся без половины команды. После этого поверил.
— Кому?
— Палате.
— Удобно.

Он принял и это.

Нэра пошла обратно, чувствуя такую злость, что хотелось сломать что-нибудь руками. Не только на него. На себя: ей понравилось, как он молча принёс воду, как проверил, все ли целы, как поверил её расчёту в гавани. Она успела захотеть считать его хорошим человеком.

Теперь он снова был незнакомцем.

Возле входа её остановила Мала.

— Не спрашивай меня, можно ли ему доверять. Я не знаю.

— Я и не собиралась.

— Собиралась. У тебя на лице написано. Но если хочешь узнать, кем человек стал за восемь лет, придётся провести с ним больше одного дня.

Из бухты доносился скрип насоса. Эрик уже помогал Таму перекачивать воду в бочки. Нэра отвернулась и пошла дописывать карту.

Глава 9. Береговой список

До сна оставалось несколько часов, и Мала решила, что Нэра может потратить их с пользой.

— Ты умеешь читать чужой почерк?

— Иногда лучше своего.

— Тогда пойдём. Мне нужен список лекарств, а у нашего учётчика сломаны очки.

Учётчиком оказался тот самый Митт Равен, которого Нэра увидела утром в ведомости погибших. Он сидел в самой сухой части пещерного склада, держа у лица два круглых стекла без оправы, и ругался на собственные записи.

Нэра остановилась у входа.

Митт был старше, чем она представляла. Широкий лоб, крупный нос, белая щетина. Одной рукой он придерживал бумагу, другой пытался совместить стекло со строкой. На столе лежала маленькая деревянная фигурка собаки с отбитым ухом.

— Равен? — спросила она.

Он поднял голову.

— Если по поводу ведра, его забрала Мала.

— Я знаю вашу жену. Видела в Эдерне.

Стекло выпало у него из пальцев. Нэра успела поймать его у края стола.

— Когда?

— Восемь лет назад. После катастрофы. На слушании.

Митт медленно забрал стекло.

Нэра поняла, что сделала. Подарила ему секунду уверенности, будто приносит свежую новость, и тут же отняла её. Она села рядом.

— Прости. Я должна была сразу сказать дату.

— Ничего. Мы тут все хватаем не за тот конец.

Он долго молчал. Мала тем временем зажгла вторую лампу и ушла искать перечень перевязочного материала, оставив их вдвоём.

— Она выглядела здоровой? — спросил Митт наконец.

Нэра попыталась вспомнить. Женщина в первом ряду. Тёмный платок. Сумка на коленях, которую та держала обеими руками. Нельзя было извлечь здоровье из одного старого воспоминания только потому, что человеку очень хотелось ответа.

— Я не знаю. Она пришла сама. С ней был один из сыновей.

— Старший, наверное. У младшего тогда ученичество. Его не отпускали.

Он сказал это с такой привычной уверенностью, будто речь шла о вчерашнем дне. Потом улыбка исчезла.

— Уже взрослые, — произнёс он. — Совсем.

— Да.

Митт повернул деревянную собаку на столе.

— Младший вырезал. Перед рейсом. Хотел сделать волка, но хвост получился слишком весёлый. Я сказал: будет сторожить койку. Потом койки не стало, и она сторожит бумагу.

Он подвинул Нэре чистый лист.

— Напишешь адрес? Я помню улицу. Дом, может, сменили. Но там раньше жили.

Она записала. Митт продиктовал имя жены, имена сыновей, описание дома с зелёным козырьком. Словно боялся, что если одна подробность окажется неверной, письмо снова потеряется.

— Что передать?

Он открыл рот, закрыл. Погладил фигурку большим пальцем.

— Пока ничего. Я подумаю. Восемь лет придумывал, а сейчас не помню ни одного умного слова.

— Умные необязательно.

Митт посмотрел на неё внимательнее.

— Ты та девушка. С карты.

Она кивнула.

Он не отвёл глаз. Нэра приготовилась услышать обвинение, к которому давно привыкла. Вместо этого Митт спросил:

— Ты здесь по своей воле?

— Да.

— Значит, будешь разбирать лекарства. У меня в этих каракулях три вида порошка, а один из них для обработки досок. Не хочется вылечить чьи-нибудь кишки от гнили.

Она засмеялась раньше, чем поняла шутку до конца. Он улыбнулся и придвинул ей стопку листов.

Работа оказалась труднее, чем ожидалось. Лекарства поступали без надёжных этикеток, часть названий записывали на слух. Мала знала действие многих средств, но не состав. Нэра предложила разделить сведения: что написано на упаковке, что говорили поставщики, что люди наблюдали сами. До этого всё складывалось в одну графу.

— Ты и здесь рисуешь карту, — заметила Мала, вернувшись.

— Здесь тоже опасно перепутать похожие места.

Они работали втроём. За стеной готовили ужин. Дети спорили, кому достанется последняя щепка для игрушечного корабля. Вода тихо плескалась у каменного порога. Нэра постепенно перестала чувствовать себя гостьей в чужой беде. Ей дали конкретную работу, и мир стал немного понятнее.

Потом в склад вошёл молодой мужчина с перебинтованной кистью. Он нёс корзину сухих корней и выглядел так, будто уже заранее ожидал отказа.

— За это дадите масла?

Мала посмотрела в корзину.

— Половина сырые. Их нельзя хранить.

— Высушишь.

— У меня нет лишнего топлива, Тев.

— Зато на гостей нашлось.

Он кивнул на Нэру.

В комнате стало неловко. Митт опустил глаза, Мала сжала губы. Нэра поняла, что попала в разговор, который повторялся здесь не впервые.

— Я заплачу за еду, — сказала она.

— Чем? — Тев повернулся к ней. — Верхними монетами? И куда мне с ними пойти? Купить красивую бумагу?

Мала резко произнесла его имя, но Нэра подняла руку.

— Ты прав. Монеты здесь не помогут. Что тебе нужно?

— Масло. Моей матери холодно. Она лежит у северной стены, там всё время тянет.

Мала закрыла глаза.

— Мы перенесём её ближе к печи. Я говорила.

— Там ей мешают спать. И она не хочет, чтобы все видели, как её кормят с ложки.

Теперь Нэра поняла, почему Мала раздражена. Не потому, что Тев просил невозможного, а потому, что он просил необходимого, для чего у неё не было средств.

Нэра вспомнила запасной кусок плотной парусины на «Крачке».

— Можно сделать перегородку. Закрыть сквозняк и отделить койку. Я спрошу у капитана.

Тев посмотрел подозрительно.

— За коренья?

— За помощь. Мне понадобится человек, который знает, где в стене можно закрепить крюки.

Он поставил корзину на пол.

— Я знаю.

Мала открыла рот, будто хотела сказать, что парусина кораблю нужнее, но промолчала. Нэра поняла: обещание она дала слишком быстро. Теперь его предстояло выполнить, а не считать добротой уже произнесённые слова.

На «Крачке» Там долго разглядывал кусок ткани, потом отрезал половину.

— Больше нельзя. Вторая часть на запасной парус. И верёвки вернёте, если вода не съест.

Эрик стоял рядом, но не вмешивался. Нэра не спрашивала его о решениях, которые боцман мог принять сам. После разговора у причала это было первым маленьким шагом обратно к рабочему доверию.

Перегородку ставили вчетвером. Тев сверлил камень старым ручным буром, Нэра держала лампу, Там ругался на неправильные узлы, Мала переносила постель. Мать Тева, худая женщина с удивительно ясными глазами, наблюдала молча. Когда всё закончили, она попросила оставить щель, чтобы видеть вход.

— А то решите, что меня здесь нет.

Нэра закрепила край ткани чуть в стороне.

Тев не поблагодарил. Только спросил, не нужен ли ещё кто-нибудь для работы с картами. Она дала ему задание нанести на отдельный лист все места, где в последние месяцы вода поднималась выше обычного.

Он принёс рисунок через час. Неровный, без масштаба, но с такими подробными отметками, что Нэра просидела над ним до полуночи. Вместе с прочими записями он ясно показывал сжатие безопасных проходов.

Митт за это время написал письмо жене.

Нэра увидела его на краю стола: всего четыре строки. «Я жив. Я не ушёл от вас. Не знаю, как объяснить всё остальное. Если у тебя другая жизнь, я пойму».

Она не стала читать подпись. Отвернулась прежде, чем Митт заметил, и почувствовала стыд за случайно увиденное. Восемь лет могли означать не только радостную встречу. Они могли означать новую семью, могилу, переезд, человека, который больше не ждёт.

— Ты возьмёшь? — спросил он.

Нэра приняла сложенный лист.

— Возьму. Но пока не могу обещать, что доберусь до Эдерна.

— Уже хорошо, что не обещаешь лишнего.

Перед сном Мала подошла к ней и положила рядом маленький свёрток сухих кореньев.

— Для дороги. Те, что хорошие.

— Вы же не могли обменять их на масло.

— Масла действительно нет. А коренья есть. Иногда это разные разговоры.

Нэра легла на скамью, положив письмо Митта во внутренний карман. Ей казалось, оно весит больше карты.

На другом конце помещения кто-то кашлял. За перегородкой Тев тихо разговаривал с матерью. У входа скрипнула доска — Эрик возвращался с ночной проверки швартовов.

Нэра не повернула головы. Она ещё не знала, что думает о капитане. Зато теперь знала, что утром пойдёт дальше не только ради Яна.

Глава 10. Дорога под килем

Мала пришла будить их ещё до серого рассвета. В нижнем море смена дня и ночи была заметна по цвету воды: ночью она чернела, утром становилась похожей на старое бутылочное стекло. Настоящего солнца здесь не видели с той самой осени.

— Лодка нашлась, — сказала Мала. — В северной петле. Сигналят зеркалом.

Нэра поднялась с жёсткой скамьи. Колено за ночь распухло. Она натянула чулок осторожно, скрывая боль, но Мала уже всё заметила.

— Сядь.

— Нам надо идти.

— Идти ты будешь ногой. Дай её сюда.

Она осмотрела сустав, туго перевязала и велела не прыгать. Потом посмотрела ожог на руке.

— Чувствительность вернулась?

— Частично.

— До следующего перехода этой рукой за соль не берись.

— А если придётся?

— Тогда можешь потерять не кожу. Путевые нервы выгорают раньше кожи. Я видела людей, которые после такого не чувствовали, что держат нож.

Нэра перестала улыбаться. Мала не пугала её. Она просто сообщала, как устроена вещь, с которой ей приходилось иметь дело.

От скал к северной петле отправились на «Крачке». Мала пошла с ними, взяв сумку врача и короткое копьё. Зеркальный сигнал то появлялся, то пропадал. Нэра вычислила расстояние и не поверила ответу: лодка находилась в трёхстах шагах, хотя глаз видел почти милю.

— Складка, — сказал Сава. — Смотри не на неё. Смотри на тень.

Под лодкой действительно лежала тень — плотная, неправильная. Она уходила далеко в сторону, хотя солнца не было. Нэра нанесла её на карту. Тень показывала истинное положение предмета относительно нижней воды.

Они подошли на вёслах. Лодка застряла в полосе неподвижного моря. Внутри сидели двое взрослых и мальчик. Один из мужчин лежал на дне, накрытый курткой.

— Не бросайте канат! — крикнул второй. — Нас перевернёт!

Эрик остановил Тама, уже раскручивавшего бухту.

Нэра увидела причину. Лодку держало не течение. Она была пришита к двум разным направлениям: нос стремился к острову, корма — к скалам. Если потянуть, дерево разойдётся по швам.

— Нужно снять один из ответов, — сказала она.

— Какой?

— Островной. Мы ближе к скалам. Где у вас фонарь? — крикнула она людям.

Мужчина показал под сиденье.

— Разбейте стекло.

— Без него мы не вернёмся!

— Сейчас вы вообще никуда не вернётесь. Разбейте.

Он колебался. Мальчик взял камень и ударил раньше, чем отец решился. Послышался треск. Лодка резко накренилась, но не освободилась.

— Второй огонь, — прошептала Ива. — У них запасной.

Мужчина начал шарить под мокрыми мешками. Поздно: борта затрещали. Эрик уже привязал канат к поясу.

Нэра схватила его за руку.

— Подожди. Она держит отражение. Если прыгнешь сверху, попадёшь в ту же петлю.

— А если снизу?

Она посмотрела на тень. Вода под ней была обычной.

— Ниже кия. Две сажени, возможно три.

— Возможно?

— Точно не знаю.

Он кивнул, как будто именно это и хотел услышать, и прыгнул.

Канат быстро пошёл за борт. Там держал его голыми руками. Нэра считала секунды. На двадцатой захотелось выдернуть капитана обратно. На тридцатой она уже не слышала, что говорит Мала.

Эрик появился возле лодки с другой стороны, едва показав голову. Нырнул снова. Через несколько мгновений из-под сиденья вылетела маленькая металлическая коробка. Он открыл её в воде. Белая вспышка прошла под днищем, и лодка рванулась вперёд.

Там успел подхватить борт багром.

Раненого передали первым, потом мальчика, потом второго мужчину. Эрик поднялся последним. На его плече темнел длинный порез — лодочное днище ударило, когда петля отпустила.

Мала распорядилась отвести его вниз. Он попытался остаться у руля, получил взгляд, который не оставлял места возражениям, и послушался.

Люди с лодки везли со скал лекарство для роженицы. Островной ответ начал гаснуть уже на середине пути; они включили запасной, не зная, что тот настроен на другой маяк. Раненому прищемило ногу расхоdivшимися досками. Нэра слушала и думала о своей карте: ещё одна линия, нарисованная без знания того, что человек сделал от страха.

Мальчик смотрел на Эрика, пока тот спускался в каюту.

— Он утонуть не боится?

— Боится, — сказала Нэра.

— Откуда вы знаете?

Она не нашлась с ответом. Знала по тому, как он вдохнул перед прыжком. Один раз, коротко, словно откладывал желание вдохнуть ещё.

К Рассветному повели уже спасённые. На носу закрепили Ивину раковину, карту держали в тени. Сава постоянно записывал изменения глубины. Нэра поручила ему самостоятельную прокладку, а свою вела отдельно. Они сравнивали результаты каждые четверть часа.

— Проверяете меня? — спросил он сначала.

— Нас обоих.

К полудню на горизонте вырос чёрный зуб скалы. Затем показалась белая башня, склон, крыши. Маяк стоял на высоком мысу, но луч его смотрел вниз, в море, будто пытался разглядеть что-то на дне.

Нэра узнала западную бухту раньше, чем увидела дом. Она знала её по звуку волн, по форме двух камней, похожих на спящих собак, по запаху мокрого можжевельника. Восемь лет этот берег существовал у неё только в голове.

На причале собрались люди.

Она искала светлые волосы. У Яна в восемнадцать лет волосы выгорали почти добела. Искала худую шею, вечную торопливость, привычку стоять, сунув руки под мышки.

К трапу подошёл широкоплечий мужчина с короткой бородой. В левой руке он держал гаечный ключ.

— Ты всё-таки пришла, — сказал он.

Нэра не двинулась.

Она знала этот голос. И не знала этого лица.

Ян улыбнулся — криво, виновато, по-детски.

Тогда она шагнула с трапа прямо на него.

Они едва не упали. Ключ ударил о камень. Нэра стиснула брата так, что заболели руки, и почувствовала его дыхание у себя над ухом.

Он стал выше неё.

Этого она почему-то не предусмотрела.

Глава 11. Восемь пропущенных лет

В доме пахло хлебной закваской, железом и лавандой. Лаванду сушили над печью, хотя Нэра помнила, что мать терпеть не могла этот запах. Потом она вспомнила, что мать давно умерла и что этот дом никогда ей не принадлежал.

Ян жил не в их старом семейном доме. Тот снесло первой волной. Вместо него брат занимал две комнаты возле водяного колодца. У окна стояла детская кровать с резной птицей на спинке.

Нэра остановилась.

— Твоя?

— Наша.

В дверях появилась женщина с перевязанными волосами. На руках у неё сидела девочка лет трёх, держа за хвост тряпичную рыбу.

— Это Лея, — сказал Ян. — А это Тильда.

Нэра посмотрела на жену брата, потом на ребёнка. Она не знала, как улыбаться так, чтобы не выглядеть потерянной.

— Здравствуй.

Лея передала дочь Яну и обняла Нэру первой.

— Он говорил, что ты придёшь, если сможешь.

Не «ждал». Не «верил». Если сможешь. За эти два слова Нэра сразу полюбила её немного.

Тильда спрятала лицо у отца на плече. Ян погладил её по спине привычным, рассеянным движением. У него были руки человека, который часто носит ребёнка, чинит тяжёлые вещи и знает, как держать горячую кастрюлю через край рубахи. Нэра помнила руки мальчика, вечно ободранные о ветки.

— Сядь, — сказала Лея. — Еда сейчас.

За столом они говорили о пустяках. О том, что Нэра стала коротко стричь волосы. Что Ян сломал нос, упав с крыши, и долго уверял Лею, будто так дышится лучше. Что старая соседка в Эдерне всё ещё жива и всё ещё сыплет соль на чужие ступеньки зимой, хотя ругает всех без разбора.

Потом Ян спросил про мастерскую матери.

Нэра покрутила чашку.

— Продала.

— Почему?

— Деньги были нужны.

Он понял не сразу. Когда понял, перестал есть.

— На поиски?

— И на жизнь.

— Нэр...

— Не надо. Я сама решала.

Это прозвучало резче, чем она хотела. Лея встала убрать пустую тарелку, хотя убирать было нечего. Нэра увидела, как Ян коснулся её запястья: останься. И стало стыдно, что она принесла в этот дом свою боль и уже заняла ею весь стол.

— Прости, — сказала она. — Я просто не умею пока.

— Я тоже, — ответил он.

После еды Лея увела Тильду спать. Брат и сестра вышли во двор. Над колодцем натянули верёвки с полосками жести. Они тихо звенели даже без ветра, предупреждая о подъёме нижней воды.

— Как вы выжили? — спросила Нэра.

Ян сел на каменную ограду.

В первую ночь люди бежали к маяку. Вода пришла с двух сторон, но не захлестнула остров целиком. Она поднялась стеной вокруг него. Потом стена стала прозрачной, словно стекло, за которым двигалось чужое море. На следующий день исчезли звёзды. Через неделю закончились лекарства. Через месяц — надежда, что снаружи вот-вот придут.

Ода нашла старые ответные печи под маяком. Они удерживали остров в складке, но требовали соли, стекла и постоянной работы. Рыба ловилась, картофель рос плохо, зерно почти не вызревало. Люди разобрали пустые дома на топливо и сделали теплицы из корабельных окон.

— Сколько погибло?

— В первую ночь сто девятнадцать. Потом ещё. От ран, болезней. Мы считали не сразу. Некоторые уходили искать выход и не возвращались.

Нэра молчала. В Эдерне называли другую цифру: весь остров, тысяча с лишним человек. Удобное круглое горе, в котором никто уже не нуждался в помощи.

— А письмо?

— Писал каждый год. Потом каждый месяц. Отдавал лодочникам, пока они не пригрозили прекратить поставки. После этого прятал в бочки. Ни одно не дошло?

Она покачала головой.

Ян долго тёр ладонью щёку.

— Значит, правильно сделала, что полезла, — сказал он про Иву. — Ужасно правильно.

— Ты на неё злишься?

— Конечно. Я думал, она задохнулась в ящике. Три ночи не спал. Теперь хочется запереть её где-нибудь в безопасности.

— Она найдёт окно.

— Знаю. Поэтому делаю вид, что я разумный взрослый.

Нэра улыбнулась. Впервые свободно.

Потом спросила то, что боялась спрашивать весь день:

— Ты видел мою карту после печати?

Ян кивнул.

— На ней не было восточного разрыва.

— Я его нанесла.

— Знаю. У меня был твой полевой лист. Я показывал комиссии перед выходом. Мне сказали, что глубины перепроверили и разрыв закрыт.

— Кто сказал?

— Твой учитель. Дорн.

Нэра опустила голову.

Феликс Дорн приходил к ней после слушаний. Приносил деньги, которые она не брала, и суп, который брала, потому что была голодна. Он говорил, что талант никуда не делся. Что одна ошибка не должна уничтожить жизнь. Что со временем люди забудут.

Он никогда не сказал, что ошибка была не её.

— У тебя сохранился лист?

— Да. Ода забрала, когда начали чинить огни. Он помог понять, что произошло.

Из дома донёсся голос Тильды. Ян сразу повернул голову.

— Иди, — сказала Нэра.

Он колебался.

— Мы ещё поговорим.

— Теперь успеем.

Но, оставшись во дворе одна, Нэра посмотрела на белую башню. Над ней дрожал последний высокий луч. На мгновение он потускнел, и жестяные полоски над колодцем зазвенели громче.

Она не была уверена, что сказала правду.

Ночевать ей постелили у окна. Лея принесла одеяло, сшитое из разноцветных кусков.

— Извини, гостевого нет.

— Оно хорошее.

— Тильда считает, что красный квадрат страшный. Если проснётся и будет спорить, просто переверни.

Нэра провела ладонью по швам. Каждый кусок когда-то был чьей-то одеждой. Синяя ткань пахла мылом, зелёная — сухой травой. Здесь восемь лет не стояли на месте. Здесь любили, ссорились, растили детей, чинили крыши и выбирали, какой квадрат одеяла страшный.

Она приехала за потерянным братом. Нашла целую жизнь, в которой для неё ещё предстояло устроить место.

Перед сном Ян заглянул в комнату.

— Ты всё ещё спишь к двери лицом?

— Да.

Он переставил стул, чтобы спинка закрывала щель под дверью. В детстве Нэра боялась света из коридора: ей казалось, кто-то стоит с той стороны и смотрит.

— Доброй ночи, Нэрка.

Она дождалась, пока он уйдёт, и только тогда заплакала. Тихо, уткнувшись в край чужого, тёплого одеяла.

Глава 12. Дом, которого не было

Утром Нэру разбудил стук молотка.

Она сначала решила, что снова в мастерской над коптильной и сосед чинит раму. Потом увидела разноцветное одеяло, низкую балку над окном и маленькую девочку, которая стояла у постели, прижимая к груди тряпичную рыбу.

— Ты уже проснулась? — спросила Тильда.

— Кажется.

— Тогда можно смотреть.

— На что?

Девочка взяла её за левую руку и повела к окну. Во дворе Ян забивал доску поверх старой ступени. На голове у него сидел бумажный кораблик.

— Он капитан лестницы, — объяснила Тильда. — Я назначила.

Нэра не удержалась от улыбки.

Ян поднял голову.

— Не смейся. Должность высокая, жалованье маленькое.

— За что дали шапку?

— За безупречную службу при дворе.

Лея вышла из кухни с кастрюлей и поставила её на подоконник остывать. В доме сразу запахло кашей и поджаренным луком. Тильда потребовала лук убрать. Ян сказал, что у капитанов лестницы нет полномочий отменять завтрак.

Нэра смотрела на них и никак не могла найти своё место в этой обычной суете. Когда-то их с Яном утро тоже состояло из маленьких перепалок, забытых вещей, споров, кому идти за хлебом. Но те привычки исчезли вместе с прежним домом. Здесь уже существовали новые, к которым нельзя было просто присоединиться так, будто она уходила вчера.

За завтраком Нэра машинально подвинула брату солонку.

— Ты всегда досаливал.

Ян посмотрел на неё, потом на солонку.

— Теперь нет. Здесь соль и так во всём.

Она убрала руку.

Небольшая неловкость, почти незаметная. Но Нэра вдруг поняла, сколько таких будет впереди. Она помнила любимую еду человека, которому было восемнадцать. Напротив сидел двадцатилетний мужчина, чьи вкусы изменились без её участия.

Лея спросила о дороге. Нэра начала рассказывать про выход под цепью, но Тильда сразу захотела узнать, была ли цепь злая. Пришлось объяснять, что цепи не злые, хотя некоторые люди используют их неприятно. Ян хмыкнул, и рассказ превратился в спор о том, могут ли предметы иметь характер.

После еды брат повёл Нэру по острову. До встречи с Одой оставался час. Он сказал, что лучше сначала показать место старого дома.

Она хотела отказаться. Не потому, что не желала видеть, а потому, что уже представляла, как должна отреагировать, и не была уверена, что справится именно так.

На месте дома росла трава.

Не развалины, не почерневшие балки, не трагическая рана в земле. Просто неровная площадка, несколько камней и молодая рябина, которую кто-то посадил возле бывшего крыльца.

— Дерево Лея принесла, — сказал Ян. — Три года назад.

Нэра подошла к одному из камней. На нём сохранилась светлая полоса раствора. Здесь когда-то стояла печь. Рядом мать сушила мокрые рукавицы, а Ян тайком грел найденных на берегу крабов, пока один не сбежал под лавку.

— Что-нибудь осталось?

— Мало.

Брат достал из кармана маленькую латунную ручку. От ящика материнского стола. Нэра узнала её сразу: на одной стороне была вмятина от ножа, которым она в детстве пыталась расколоть орех.

— Нашёл весной после первой зимы. Хотел сохранить стол, но от него ничего другого не было.

Он протянул ручку сестре.

— Это твоё.

Нэра не взяла.

— Почему моё?

— Ты за ним работала чаще.

— А ты рисовал на нижней стороне столешницы. Мама так и не узнала.

— Узнала. Просто сказала мне не рассказывать тебе, что она знает.

Они оба улыбнулись. Потом улыбки исчезли.

Нэра взяла ручку. Металл был тёплым от его кармана.

— Я всё время представляла, что дом там, — сказала она, показав на море. — Под водой. Что если найти нужное место, можно хотя бы увидеть крышу.

— Я тоже сначала думал, что ты снаружи всё видишь. Что стоишь у берега, а нас не пускают из-за шторма. Потом понял, что прошло слишком много времени.

Они молчали. Ветер шевелил молодую рябину. У дерева было всего несколько ягод, сморщенных, бледных. Но оно росло.

— Я злился на тебя, — сказал Ян.

Нэра повернулась.

— Когда?

— Первую зиму. Вторую. Потом иногда. Думал, почему не находишь. Ты ведь умела находить всё. Потерянные инструменты, чужие ошибки, меня на рынке, когда я убежал. Мне было восемнадцать, и я всерьёз считал, что ты обязана справиться даже с морем.

Она посмотрела на камень у ног.

— Я тоже так считала.

— Потом стало стыдно. Я понял, что ничего не знаю о твоей жизни. Может, ты болеешь. Может, умерла. Может, ищешь и не можешь. От последнего было страшнее всего.

Нэра сжала латунную ручку.

— Я искала.

— Знаю теперь. И мне жаль, что твоя жизнь тоже застряла здесь, хотя тебя на острове не было.

Она хотела возразить, что жизнь не застряла, что работала, разговаривала с людьми, иногда смеялась. Но поняла: брат не пытается обесценить прожитое. Он говорит о части её, которая восемь лет стояла перед закрытой дверью.

— Давай не будем теперь считать, кому было хуже, — сказала она.

— Давай.

Обратно они пошли другой дорогой. Ян показывал теплицы из корабельного стекла, маленькую школу, общую пекарню. Возле колодца женщины стирали бельё в подогретой воде. На крыше мастерской сушили водоросли для удобрения. Всё это выглядело временным, но временность успела обрести настоящими привычками.

У школы их остановил мальчик с доской в руках.

— Ян, у меня опять не получается.

— Что?

— Доли. Если три человека взяли по две, почему осталось четыре? В задаче восемь.

Ян посмотрел на доску.

— Потому что я вчера написал не то число.

Мальчик недоверчиво прищурился.

— Вы тоже ошибаетесь?

— Постоянно. Поэтому надо проверять, а не верить красивому почерку.

Нэра посмотрела на брата. Он поймал её взгляд и чуть улыбнулся.

— Что?

— Ничего. Хороший учитель.

— Скажи это детям. Они думают, я нарочно порчу им утро.

У мастерской Ян задержался. Внутри двое мужчин пытались собрать клапан, сверяясь с потрёпанным рисунком. Один позвал его. Брат извинился перед Нэрой и вошёл.

Она осталась снаружи.

В Эдерне Ян существовал в её памяти как младший, которого надо защитить. Здесь его ждали взрослые люди с работой, которую он понимал лучше них. Его мнение спрашивали, его ошибок раздражённо не замечали, его приходу радовались, потому что дело начинало двигаться. Он успел стать необходимым без её помощи.

Это было прекрасно и немного больно.

Лея нашла Нэру у двери.

— Трудно?

— Что?

— Увидеть, что он вырос.

Нэра вздохнула.

— Я думала, буду только рада.

— Рада тоже будешь. Сразу всё не помещается.

Они пошли к маяку вдвоём. По дороге Лея рассказала о женщине с нижней улицы, которая после потери мужа два года не могла выбросить его сапоги. Потом однажды отдала их соседу, а вечером плакала так, будто потеряла мужа заново.

— Я тогда хотела утешить и сказала, что сапоги всего лишь вещи. Очень умно сказала. До сих пор стыдно.

Нэра посмотрела на латунную ручку, которую всё ещё держала в ладони.

— Ты больше так не говоришь?

— Стараюсь сначала понять, что именно человек отдаёт вместе с вещью.

Возле лестницы они остановились. Сверху доносился голос Оды, требовавшей нужный ключ и выражавшей сомнение в способности молодых людей отличать одно отверстие от другого.

Лея улыбнулась.

— Тебе сюда. Когда выйдешь, приходи к нам. Я покажу, как растёт соль.

Нэра убрала ручку в карман.

Она не вернула старый дом. Не вернула прежнего брата. Но новый дом уже предложил ей завтрак, а взрослый брат — место рядом с собой.

Для первого утра это было немало.

Глава 13. Смотрительница шестого огня

Ода оказалась маленькой женщиной с почти белыми бровями и голосом, который легко перекрывал работающую лебёдку. Она встретила Нэру на лестнице маяка, держа в руках две закопчённые детали.

— Вейн? Которая рисует или которая ломает?

— Рисует.

— Хорошо. Ломающий сейчас внизу. Подай ключ.

Нэра подала не тот. Ода выразительно посмотрела на неё и взяла нужный сама.

Маяк внутри был горячим. По стенам шли керамические трубы, под ступенями гудела вода. В центральном колодце висел на цепях длинный стеклянный стержень. Он светился изнутри и был покрыт сетью мелких трещин.

— Шестой огонь? — спросила Нэра.

— То, что от него осталось.

— Можно заменить стекло?

— Можно. Привези чистого кварца, серебряной сетки и печь, которая держит жар трое суток. Заодно пару новых коленей для меня.

На верхней площадке их ждали Ян, Сава и Эрик. Капитан держал левую руку на перевязи. Когда Нэра вошла, он отодвинул ей стул, но не попытался заговорить.

Ода разложила на столе шесть старых пластин. Пять потемнели. Шестая ещё светилась по краям.

Рассветный когда-то был центральным узлом сети независимых маяков. Отсюда пути расходились к дальним островам, минуя большие порты. Местные смотрители согласовывали огни между собой, а Палата лишь печатала общие карты. Потом маршруты начали объединять. Новые солевые чернила были удобнее старых, дешевле для капитанов и полностью зависели от главной палаты Эдерна.

— Людям нравится, когда работает без вопросов, — сказала Ода. — Я их не виню. Сама люблю.

Восемь лет назад во время Осеннего схождения Палата попробовала замкнуть все шесть Рассветных огней на единую городскую линзу. Это позволяло одним поворотом перекрывать любой маршрут. На испытании не учли восточный разрыв — область, где верхнее и нижнее море подходили слишком близко.

Нэра смотрела на свой полевой лист. Он лежал под стеклом, аккуратно склеенный в местах старых разрывов. Восточная опасная зона была заштрихована её рукой. Возле неё стояла приписка: «Замыкание запрещено до повторного промера».

На печатной карте этого не было.

— Они сняли предупреждение, — сказала она.

— Им нужен был непрерывный путь. Предупреждение мешало.

— А потом остров ушёл вниз?

— В сторону, — поправила Ода. — Здесь не подводное царство. Здесь соседняя складка того же моря. Только вода не умеет долго держать два берега в одном месте. Ей нужен выход.

Чтобы не дать удару прийти в Эдерн, центральная линза закрыла связь с островом. Это спасло город в ту ночь. Но закрытие должно было длиться несколько часов — пока люди на обоих концах не разделят нагрузку. Вместо этого путь оставили запёртым.

— Почему? — спросил Сава.

Ода поставила на стол банку световой соли. Кристаллы были прозрачными, с голубым ядром.

— Потому что в сжатой воде она растёт в двадцать раз быстрее. Обычные отложения собирают годами. Здесь за месяц нарастает новый слой.

Соль с Рассветного питала внешнюю сеть. Чем больше добывали, тем сильнее стягивалась складка. Пять старых огней сгорели, принимая лишнее давление. Шестой держал и остров, и маленькие убежища вокруг него. В ночь схождения новая линза Эдерна собиралась забрать последний большой выброс.

— Они знают, что здесь люди? — спросила Нэра.

Ян посмотрел на неё устало.

— Они присылают нам муку. Как ты думаешь?

Нэра почувствовала, как краснеет. Вопрос был глупым. Ей просто хотелось оставить кому-нибудь возможность не знать.

Эрик наклонился над пластинами.

— Сколько времени на вывоз?

— На чём? — Ода подняла глаза. — На твоей шхуне? Тут шестьсот двадцать четыре человека. Ещё восемьдесят на скалах. Есть лежачие. Есть дети. Один переход занимает почти сутки, если нам повезёт. У нас девять дней, а огонь может умереть раньше.

— Значит, несколько судов.

— Значит, разрешение пройти границу, капитан. Которого тебе никто не даст.

Нэра всё это время рассматривала старые пластины. На обороте одной сохранилась схема, нарисованная зелёными чернилами: шесть маленьких огней вместо одного большого.

— А если открыть связь без городской линзы?

Ода резко повернулась.

— Продолжай.

Нэра изложила идею медленно. Восстановить прежнюю сеть целиком было невозможно, но на время можно заменить маяки корабельными огнями. Шесть независимых точек распределят давление и выведут складку наружу постепенно. Не разорвать запор, а расширять проход, пока вода по обе стороны не сравняется.

— На движущихся судах? — спросил Сава.

— С якорной стоянки. Поправки придётся пересчитывать постоянно.

— И шесть штурманов, — сказал Эрик.

— Как минимум.

Ода молчала так долго, что Нэра уже решила: сейчас ей объяснят, какую очевидную вещь она упустила.

— Я пробовала четыре года назад, — сказала смотрительница. — С лодками. Не хватило внешнего ответа. Все мои точки были по одну сторону складки. Они только замкнули нас крепче.

Она коснулась пальцем схемы.

— Нужны три огня здесь и три наверху. Одновременно. И тот, кто откроет городскую линзу ровно настолько, насколько выдержит новый путь.

Эрик выпрямился.

— Рейн этого не сделает.

— Значит, придётся убедить кого-нибудь, кто сможет сделать вместо него.

Впервые за всё утро в голосе Оды появилась не злость, а интерес. Осторожный, болезненный интерес человека, который слишком долго запрещал себе надеяться.

Глава 14. Пять мёртвых огней

Прежде чем отпустить Нэру в пещеры, Ода отправила её к четвёртому маяку.

— Если собираешься заменить огни, посмотри, как умерли прежние. И возьми кого-нибудь, кто способен поднять больше собственной головы.

Ян оставался у насосов. Эрик вызвался идти, но Нэра предложила Саву: ей нужен был второй человек, понимающий измерения. Капитан кивнул без обиды, а молодой штурман так старательно спрятал удовольствие, что оно стало заметнее.

Проводником пошёл старик с соседней улицы, которого все звали Лон. Когда-то он обслуживал маленькие огни, теперь плёл корзины и ругался, что молодые затягивают прутья слишком сильно. Он взял палку, фонарь и свёрток хлеба.

— До четвёртого час, если не разговаривать, — сказал он. — Полтора, если будете задавать полезные вопросы. Два, если бесполезные.

Сава спросил, почему они идут не к пятому, который погас недавно.

— Два часа, — вздохнул Лон и двинулся по тропе.

Нэра едва удержалась от улыбки.

Тропа шла над обрывом. С одной стороны рос низкий можжевельник, с другой лежала вода без бликов. В некоторых местах она казалась совсем неподвижной. Потом взгляд улавливал медленное движение целого пласта, словно море перелистывали огромной невидимой рукой.

Лон рассказывал о старых огнях неохотно. Первый перегрелся ещё в ту ночь. Второй держался год. Третий — три. Четвёртый погас прошлой зимой, а пятый работал почти до их прихода. Каждая потеря делала оставшиеся огни ярче. Люди поначалу радовались: значит, сеть приспособилась. Ода перестала радоваться раньше остальных.

— Я говорил, что она пугает людей, — признался Лон. — Удобно, когда можно сердиться на того, кто приносит плохую новость.

У четвёртого маяка обвалилась наружная лестница. Невысокая башня стояла на отдельной скале, соединённой с берегом каменной перемышкой. На стенах темнели следы выброса соли. Дверь заколотили досками.

Лон протянул Саве лом.

— Только нижнюю снимай. Верхние держат косяк.

Внутри пахло холодным железом. Стеклообразная линза лежала на полу, расколовшись на большие прозрачные лепестки. Нэра присела рядом. На краях трещин виднелась ровная голубая полоса.

— Перегрузка шла изнутри, — сказала она.

Сава опустил с другой стороны.

— Но питание снизу. Если бы горела печь, стекло треснуло бы у основания.

— Питание шло не только снизу. Он принимал чужой ответ и усиливал его.

Они нашли управляющую пластину в нише за стеной. Её поверхность покрывалась зелёным налётом, но под ним сохранились линии старой схемы. Каждый огонь должен был иметь собственный предел. При превышении нагрузки он уменьшал передачу, а соседи перестраивали путь. Кто-то позже соединил предельные контакты медной перемышкой.

— Автоматический подхват, — сказал Сава.

Нэра провела пальцем возле перемышки, не касаясь соли.

— И запрет на отказ. Если один маяк сгорает, остальные обязаны принять всё, что он держал.

— Зачем делать такую вещь?

Лон стоял у двери.

— Чтобы корабль не потерял дорогу из-за одного капризного зрителя. Так нам объясняли. Раньше у каждого был свой характер. Кто-то закрывал путь раньше шторма, кто-то позже. Купцы жаловались.

— Иногда зритель ошибался, — заметила Нэра.

— Конечно. Иногда купец ошибался, когда решал, что можно сэкономить на креплении груза. Но у купца не отбирали право выбирать, сколько верёвки купить.

Он говорил без злорадства. Просто вспоминал спор, проигранный слишком давно, чтобы победа теперь могла кого-нибудь порадовать.

Сава начал снимать перемычку. Нэра остановила его.

— Сначала зарисуем, как было. С обеих сторон.

— Мы же понимаем устройство.

— Мы должны суметь показать его тем, кто не будет нам верить.

Он помолчал и достал карандаш.

Пока Сава рисовал, Нэра обошла нижнюю комнату. У стены стояла кружка, внутри которой давно поселился паук. На гвозде висела детская варёжка. Маяк был не только прибором: здесь кто-то ел, чинил одежду, ждал окончания вахты. Лон заметил её взгляд.

— Внук приходил. Любил смотреть, как крутится линза. Потом мы перестали пускать детей. Стало опасно.

— Он на острове?

— На верхнем кладбище.

Нэра повернулась к нему.

— Не из-за маяка. Лихорадка. Не надо каждый раз выглядеть так, будто обязана угадать все наши потери.

Она опустила глаза.

Лон взял варёжку, стряхнул пыль и убрал в карман.

— Всё забывал забрать. Вот теперь забрал.

Он вышел наружу. Нэра не пошла следом.

Сава закончил рисунок, и они осторожно сняли пластину. Под ней обнаружился второй слой линий, нанесённых более старым составом. Не шесть направлений, а семь. Седьмой был закрыт пробкой из чёрного стекла.

— Запас? — спросил Сава.

Нэра изучила угол.

— Возможно. Или прежний маршрут, который перестали использовать до объединения сети. Не трогай. Нам достаточно действующих шести.

Он явно хотел возразить. Неизвестный путь был интереснее повреждённой старой схемы. Но Нэра попросила лишь перенести рисунок, и он подчинился.

Снаружи послышался грохот.

Они одновременно подняли головы. Каменная перемычка между скалой и берегом просела. По её середине прошла тонкая трещина. Лон стоял у дальнего конца, держась за куст.

— Выходите, — сказал он. Не громко, но так, что Сава сразу схватил папку.

Нэра подняла пластину. Она оказалась тяжелее, чем выглядела. Одной здоровой рукой удерживать её было трудно. Сава взял второй край, и они вышли на тропу.

Вода под перемычкой закручивалась. В глубине отражалась башня, но целая, с работающей линзой. Сава машинально посмотрел вниз и замедлил шаг.

Нэра ударила его по рукаву.

— На берег.

Он вздрогнул. Они сделали ещё два шага. Под ногами хрустнул камень.

Лон протянул палку. Сава отпустил край пластины и схватился за неё. Нэра удержала тяжесть на колене, почувствовав острую боль в ушибленном суставе.

— Бросайте железку! — крикнул старик.

Нэра хотела возразить. На пластине была подлинная переделка, вещественное доказательство, возможность показать, как остров превратили в ловушку. Она уже представила, как без неё в Эдерне скажут: вы всё нарисовали сами.

Камень осыпался у левого сапога.

Она отпустила пластину.

Та упала в воду без всплеска, будто провалилась в мягкую ткань. Лон дёрнул Саву, тот протянул руку Нэре. Они оказались на берегу за мгновение до того, как середина перемычки ушла вниз.

Несколько секунд все лежали, не двигаясь.

Потом Лон сел и сердито выдохнул.

— Полезный вопрос: зачем вам железка, если вы утонете вместе с ней?

Нэра прижала ладонь к колену.

— Рисунки целы?

Сава проверил папку. Целы. Он ещё успел снять маленькую медную перемычку, лежавшую теперь в кармане.

Нэра закрыла глаза от облегчения и стыда. Она снова чуть не поставила доказательство выше человека. Только на этот раз никто не пострадал.

Обратно шли молча. Лон отдал им хлеб и велел есть на ходу: если молодые собираются убиваться, пусть хотя бы делают это не голодными.

У маяка Ода выслушала отчёт, посмотрела рисунки и медную перемычку.

— Достаточно, — сказала она.

— Пластину потеряли, — ответила Нэра.

— Пластина там ещё одна. А тебя и этого длинного ученика пока по одному. В следующий раз думай в таком порядке.

Нэра кивнула.

Сава неожиданно положил перед Одой рисунок седьмого канала.

— Это что?

Смотрительница долго смотрела на лист.

— Старый северный ответ. Его закрыли задолго до меня.

— Куда он вёл?

— На старых картах написано: «Далее промер не подтверждён». Очень честная фраза. Жаль, потом её разлюбили.

Она отложила рисунок в сторону.

— Сейчас займёмся шестью огнями, которые точно знаем. Если останется жизнь, успеете заинтересоваться седьмым.

Нэра забрала полевой блокнот. На полях рядом с зарисовкой разбитой линзы она написала: «Каждый узел должен иметь право уменьшить нагрузку». Подчеркнула один раз.

Эта строка больше не казалась ей только техническим условием.

Глава 15. Соль на ладонях

В солевые пещеры Нэра пошла с Леей.

Ян хотел сопровождать их, но у насоса сорвало клапан, а на острове были вещи, которые не ждали даже возвращения сестры. Лея взяла две маски, фонарь и мешок для образцов.

— Не снимай ткань, даже если станет жарко. Пыль сладкая. Люди думают, что она безвредная.

Пещеры открывались на северном берегу. Раньше там купались дети. Нэра помнила гладкие камни, место для прыжков и Яна, уверявшего, что под водой умеет видеть лучше всех. Теперь от входа тянулись деревянные мостки, а на стенах висели предупреждения о провалах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.